

Серебрякова Юлия Вадимовна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕКА: ОТ МЕТАФОРЫ К ПОНЯТИЮ (ОПЫТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ С. КРЖИЖАНОВСКОГО, Ж.-П. САРТРА И Ж. ЛАКАНА)

Статья посвящена проблеме определения понятия "экзистенциальный кризис" через сопротивление тавтологии тождества, доведенного до предела противостояния и сочетания противоположностей. Анализируется движение от метафор текстов С. Кржижановского к тавтологии тождества в философии Ж.-П. Сартра и, далее, к разрушению тождества и "схватыванию" определения в философии Ж. Лакана. Для уточнения определения "экзистенциальный кризис" признаются продуктивными тождества, дающие противостояние понятий "бытие/Ничто", "реальное/воображаемое", "целое/трещина".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 174-178. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Новгородцев П. И.** Об общественном идеале. Берлин: Слово, 1921. 386 с.
 7. **Новгородцев П. И.** Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 321-327.
 8. **Новгородцев П. И.** Учение Канта о праве и государстве // Кант: pro et contra. СПб.: ПХГА, 2005. С. 505-541.

P. I. NOVGORODTSEV'S ATTITUDE TO I. KANT'S ETHICS

Samoilov Dmitrii Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
*Melitopol Institute of Ecology and Social Technologies of Open International University
 of Human Development "Ukraine"*
dmvsam@rambler.ru

The article reveals specifics of perception of I. Kant's moral doctrine in P. I. Novgorodtsev's works. It is found out what the Russian philosopher is for and against in Kant's ethics. At the same time ethical views of Novgorodtsev himself are clarified. It is revealed that the Russian philosopher notes positive aspects of Kant's ethics. But he also points to the need to overcome its formalism. Novgorodtsev insists on compulsory realization of the moral ideal in social life. But he does not consider it possible to achieve fullness of morality in the earthly life that makes him close to Kant.

Key words and phrases: P. I. Novgorodtsev; I. Kant's ethics; morality; moral law; duty; mind; personality; freedom; society.

УДК 141.32

Философские науки

Статья посвящена проблеме определения понятия «экзистенциальный кризис» через сопротивление тавтологии тождества, доведенного до предела противостояния и сочетания противоположностей. Анализируется движение от метафор текстов С. Кржижановского к тавтологии тождества в философии Ж.-П. Сартра и, далее, к разрушению тождества и «схватыванию» определения в философии Ж. Лакана. Для уточнения определения «экзистенциальный кризис» признаются продуктивными тождества, дающие противостояние понятий «бытие/Ничто», «реальное/воображаемое», «целое/трещина».

Ключевые слова и фразы: экзистенциализм; философская категория; тождество; противоположность; экзистенциальный кризис; бытие; свобода; реальное; воображаемое; катастрофа; цельность.

Серебрякова Юлия Владимовна, к. культурологии, доцент

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова
Julia_srebro@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕКА: ОТ МЕТАФОРЫ К ПОНЯТИЮ (ОПЫТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ С. КРЖИЖАНОВСКОГО, Ж.-П. САРТРА И Ж. ЛАКАНА)

Мир расколот пополам, и трещина проходит через сердце поэта...

Г. Гейне

Вступление. В поисках метода: от тавтологии к метафоре и обратно

Философское знание о человеке выражается через категории, оформляющиеся в сопротивлении тавтологии тождества. Для философов мыслить – значит приводить слова к пределам их содержания. Точкой отсчета для философствования является пустота (тавтология, позволяющая одному и тому же быть и тем самым, и другим, новым), иначе размышление вернется либо в некую традицию (миф, религия, идеология, наука), либо столкнется с невыразимым и неструктурируемым через смысл Абсурдом.

Философские категории «вырастают» из пустоты тавтологии. Эта пустота – основа (константа) и фон философствования, невидимая «красная нить» размышлений о человеке. Тавтологии «задают» то, что может быть помыслено, но также и то, что помыслить нельзя. Находясь «внутри» тавтологии, философы стремятся выйти туда, где начинается территория немислимого, туда, где пределы для мысли еще открыты. Этот «выход» из тавтологии – либо в изменении тождества (было: Бог есть Бог, человек есть человек, стало: Бог есть человек, человек есть Бог), либо движение через метафоры, либо создание определений. Итоги и первого, и второго, и третьего – в преодолении тавтологии, исчерпании ее. Как только одна тавтология исчерпывается, появляется новая, другая – появляются новые основания для движения мысли.

Наиболее радикальна работа философа лицом к лицу с Абсурдом. В нем нет смыслов, а значит, и нет выбора. В нем отсутствует порядок и, следовательно, выйти из него нельзя. Это положение вещей (*Weltlauf* (нем.) – «бег мира»), с одной стороны, не дает остановиться, с другой – понуждает мыслить выход из безысходности, безвыходного положения. Именно в такой ситуации оказывается философ, размышляющий об экзистенциальном кризисе: в ситуации «на границе», «на обочине» общеизвестных смыслов. Натурфилософы античности первыми осмыслили выход из безысходности как поиски первоосновы мира (первостихии, с которой все началось) для того, чтобы этим миром научиться управлять или хотя бы жить с ним в согласии.

Первые философские понятия – первостихия, космос, логос, атом, апейрон – это первые имена того, что было «поймано» в Абсурде. Это имена, «собирающие» из разрозненных кусочков (мелодий) целостность мира и человека (музыкальное произведение).

Это «собрание» (собрание – Собор) никогда не может быть закончено, т.к. человек никогда не может быть определен в настоящем – он или уже был, или еще будет: человек – это тот, кому открыта возможность стать человеком, но это не значит, что он не может остаться неандертальцем [4, с. 11]. Более того, человек не может быть определен и в своем непосредственном бытии – он всегда больше, чем его видят и окружающие, и он сам. Эта непосредственно данная жизнь – содержание, где человека нет [1, с. 5]. И если содержание – это нарушение тавтологии, а не сама тавтология, то Я – это пустое место невозможного, немислимый природный объект, которому открыта возможность и становления, остановки, и движения, и отражения всего сущего, всей реальности, и созидания сущего вновь.

Цель нашего исследования – показать работу философов по преодолению и сопротивлению тавтологиям «внутри» тавтологий. Только тогда содержание мысли переходит из описания и классификации в неокончательную проблемность, т.е. начало философствования, самостоятельного мышления. Философия – сознание, переводящее содержание в тавтологию, что позволяет мыслить ее пустоту, с одной стороны, как продуктивное сопротивление Абсурду (остановку Абсурда), а с другой стороны, открывает путь новым метафорам и философским категориям.

Поэтому можно сказать, что философствование – это особый алгоритм размышлений, открытый как различениям, критике, так и согласию с самым существенным в осмыслении (и проговаривании, применении) философской категории [12, с. 151]. Если у Вас есть опыт художественного творчества, то Вы, конечно же, хорошо понимаете, что встреча полотна и рамы – условный процесс. Его может и не быть. В философствовании смыслы тоже могут остаться незавершенными. Достаточно вспомнить восточную традицию, принципиально выстроенную как предельность мысли на границе безмыслия (нерациональности): как если бы раму для некоего сюжета сознательно использовали бы в качестве обруча для занятий гимнастикой.

Однако чтобы научиться читать философские тексты (а это, конечно, труд, требующий не только ума, но и души), необходимо понимать, как трансформируются эти категории в истории философии. Каждая философская категория, попадая в новый контекст (новую эпоху), либо принимается, либо нет: самым ярким примером, на наш взгляд, здесь является категория бытия, разрабатывавшаяся еще у древних греков и постепенно «сошедшая на нет» (к Ничто) в философии Г. Гегеля и, далее, у Ж.-П. Сартра и других философов XX века (особенно в постмодернизме). Категории живут в лексиконе философа до того момента, пока живут выросшие из них тавтологии. Опровержение тавтологии тождества делает возможной историю мысли.

Более никто в культуре, кроме философов, не способен так «сдвигать» значения слов: для обывателей слова всегда означают только те вещи, которые они означают, и не более. Филологи, классифицируя слова и защищая их от варваризмов всех уровней, очень трепетно относятся к Слову, чтобы заставить его звучать иначе. Только философы и поэты могут «перевернуть» значение слова и/или выяснить забытое его звучание – дойти до смыслового «предела», границы слова (в нашем случае, категории или понятия).

Внутри философии сомнение и критика появляются тогда, когда тавтология тождества стала очевидной, она вошла в то, что утверждает, и не способна более наращивать смысл. Он не удерживается в смысловом поле тавтологии, распыляется.

Чтобы видеть живую философию как традицию философствования, исследователю необходимо не только знать пределы радикальной работы философов со словом. Продолжение или отрицание традиции – всегда внутренний процесс, можно сказать, что для философов не бывает внешних пределов. Философия – это внутренняя граница размышлений. Другими словами, философствование – это обоснование внутреннего выбора. Поэтому философия как работа со смыслами принципиально может быть начата «с нуля», с чистого листа, с новой тавтологии, задающей направление метафорам, а в дальнейшем – определениям и категориям.

Понятие «экзистенциальный кризис» оформляется в смысловом поле сопротивления тавтологий нескольких тождеств, которые мы обозначим как противостояние противоположностей: «целое, шов/трещина, щель», «Я/Не-Я», «бытие/Ничто», «свобода/ответственность», «реальное/воображаемое». Можно ли уклониться от тавтологии (и от противостояния) в философствовании о сущностном кризисе?

Рассмотрим три варианта таких уклонений: художественное прочтение метафоры кризиса («трещины») в новелле С. Кржижановского «Собиратель щелей» и философские прочтения не выраженного эксплицитно понятия «экзистенциальный кризис» как преодоления тотальности бытия вещей у Ж.-П. Сартра и осмысления «разорванности», «неидеальности» структуры субъекта у Ж. Лакана.

1. Метафоры кризиса

Приводя слова к пределам их содержания, С. Кржижановский создает смысловое поле «шов, цельность/трещина», представляя в образах, что может быть с человеком, сопротивляющимся тавтологии тождества «одно Я = одно Я» (тотальность одиночества), проходящим экзистенциальный кризис, связанный с острым переживанием одиночества как отверженности (самоотверженности ради науки).

Новелла «Собиратель щелей» построена на взаимном дополнении художественной и научной точек зрения о том, что есть «трещина» («щель», «ущелье»). Писатель (рассказчик, от лица которого ведется повествование, представляет художественную точку зрения) повествует о великом святом, проповедовавшем щелям об их умалении. Однажды святой так увлекается своей проповедью, что не успевает вовремя отпустить щели на место, и часть из них пропадает в дороге или занимает чужое место, сея панику среди людей. После этого события Бог навсегда отворачивается от святого, и он становится великим «грешником, богохульцем

и блудодеем» [5, с. 662]. Ученый Готфрид Лёвеникс, слушавший сказку писателя, рассказывает свою версию того, что есть «трещина»: мрак, тьма, обман, смерть. Он обосновывает свою «щелиную этику» так: «...если нет единой нити времени, если бытие не непрерывно, если “мир не цел”, расколот щелями на разные, чужие друг другу куски, – то все эти книжные этики, построенные на принципе ответственности, связанности моего завтра с моим вчера, отпадают и замещаются одной, я бы сказал, щелиной этикой. Формулу? Вот: за все оставленное позади щели я, переступивший щель, не отвечаю. Я – здесь, поступок там: позади. Свершенное мной и я – в разных мирах; а из миров в миры – нет окон» [Там же, с. 664].

Проводя опыты с Ничто, Лёвеникс открывает час «отлива бытия», час «пустот», отмены всех сознаний, отмеченный на всех уличных циферблатах (двадцать семь минут второго). Как замечает ученый, люди не знают об этом: «потому что щель, расщепляя бытие, поглощает вместе с ним и сознания, бытие отражающие. Выброшенные назад в бытие, бедняки и не подозревают, что за миг до того их не было, – и только отдельные, как бы утаенные вместе с ними вещи и люди, не возвращенные вместе с ними назад, под солнце, возбуждают некоторый страх и недобрые предчувствия. О затерявшихся говорят: “умерли-погибли неизвестно где”. И не знают, что каждый миг грозит нам “неизвестно где”: всему и всем» [Там же, с. 665].

Увлечшись опытами с небытием, по дороге на свидание Лёвеникс переживает «нападение тени», в которой на миг пропал весь мир, и мир через миг вернулся, а вот любовь – исчезла навсегда. Готфрид не приходит на свидание с девушкой. Впоследствии он узнает, что София выбросилась из окна «по неизвестной причине». Ему остается только оплакать эту утрату, но сделать с собой он ничего уже не может: «Тогда... я любил. Теперь не умею» [Там же, с. 667].

Лёвеникс хочет постичь «трещину» изнутри: «узнать *внутреннее* бездны может только тот, кто не отдаст расщепившейся щели своего сознания; тот, кто, исчислив точно час и миг катаклизма, властью воления и веры – останется *быть* один среди небытия, войдет живым в самую смерть» – и погибает от ужаса. Его дневник с результатами экспериментов сжигает писатель: «вчера я бросил щелиное наследие – в огонь. Вымыслы и домыслы – сочлись. Фантазм – отмщен» [Там же, с. 668].

Итак, мысля отдельно друг от друга целые вещи и щели (трещины), С. Кржижановский исходит из допущения, что каждая щель на своем месте – и скальная трещина, и печная, и лунный зигзаг, и черепные швы, и им нельзя ни в коем случае меняться местами: горной расщелине не место в скрипичной деке, а дековой щелине нельзя прятаться в черепную кость. Сказка писателя – об «извитии пустоты», из-за которого не только «гибнет единство и братское слияние вещи с вещью», но и «растут головы», потому что «растут мысли» [Там же]. Отметим, что второе следствие существования щелей так и не нашло своего продолжения в новелле. Но тема щели как бездны, поглощающей, пусть на миг, но целый мир, развита автором до своего предела: там, в бездне, ничто, только ужас, от которого Лёвеникс погибает, а писатель (рассказчик) начинает считать тему щели исчерпанной. Так же, как и ученый, писатель перестает доверять незыблемости мира, он знает теперь о «мертвых точках», в которых раскрывается «дьяволово царство», «меж-мирие», «черная страна Щелей», но все же, как Декарт, верит в промышление миром, который в каждую долю мига срывается в ничто, но создается вновь и вновь «мощью творческой воли» [Там же, с. 669].

В других произведениях С. Кржижановского («Швы», «Страна нетов», «Странствующее “Странно”», «Бог умер») последовательно проводится мысль о том, что природа боится пустоты (всякая щель, трещина есть конец вещи), но и пустота боится природы: однажды настигнув человека, пустота (мрак трещины, бездна) лишает его самого главного – любви, веры, доверия к другому человеку. Все, кого захватила в свой плен пустота, погибают, не могут найти дорогу к жизни, вере и любви: кто увлекся однажды «нет», тот не может вовремя сказать «да». Описывая ужас, настигнувший мыслителей (а большинство героев произведений С. Кржижановского – мыслители), повествователь оставляет за собой позицию наблюдателя, лишь изредка позволяя себе ироничные и горькие замечания о том, что в безмыслии – проще всего: тот, кто не мыслит, даже не поймет, что произошло [6, с. 164]. Обыгрывая знаменитую аллегорию Ф. Бэкона о путях «паука», «муравья» и «пчелы» в познании [2, с. 58], С. Кржижановский «возвращает», «опрокидывая» в обыденную реальность, метафору пути в познании (метод рационалистов подобен «пути» паука, метод эмпиристов – «работе» муравья или пчелы), сравнивая обычного (реального, не метафорического) паука с немыслящим существом. На самом деле реальный паук не «утруждает» себя размышлениями о «да» и «нет», довольствуясь малым: теплой норкой и вкусной мухой. Выбор между «цельностью» и «царством щелей» – выбор немногих мыслителей, живущих среди обывательского безмыслия.

2. От метафоры к тавтологии тождества

Размышляя о противоположности бытия феноменов феномену бытия, Ж.-П. Сартр разделяет инертный мир вещей, или бытие-в-себе, и активный мир сознания, или бытие-для-себя: «О мире вещей можно сказать лишь следующее: бытие есть. Бытие есть в себе. Бытие есть то, что оно есть. Сказать что-либо о развитии мира, изменяющихся состояниях мы не можем. Мы имеем возможность лишь улавливать настоящий, застывший миг» [11, с. 31]. Другими словами, мир тотален и целен, в нем нет ни трещинки, ни развития. Мир застыл. Только «свобода индивида, как носителя беспокной субъективности, может быть “разжатием бытия”, образуя в нем “трещины”, “дыры”, ничто» [Там же].

В отличие от мира, сознание пусто, способ его существования – отрицание всякой детерминации, т.е., по сути, отрицание самого себя. Поскольку такое свободное сознание постоянно отрицает себя, оно постоянно жаждет полноты существования. Однако эту жажду невозможно утолить: (у)ничтожа(я) все, что может объяснить выбор (воспитание, угрозы, ответственность, боль, ценностные установки), сознание ничтожит и бытие, и прошлое («прошлое мертво... оно не определяет настоящее, которое всегда есть выбор» [Там же]).

Казалось бы, становясь абсолютно свободным, сознание становится выбором нового Я. На деле же это означает абсолютный отказ от себя прежнего, разрыв связей с самим собой, со своим прошлым и с миром.

Если мыслить мир вещей как основу мира сознания, то не понятно, как мир сознания может возникнуть: ведь мир вещей инертен, тотально незыблем и в принципе не может стать источником активности. Если же между миром вещей и миром сознания пропасть, бездна, то мы должны признать, что сознание существует само по себе и возникает из ниоткуда. Если человек существует как «носитель сознания», то он не способен ни на что, кроме отрицания и мира вещей, и мира других Я, что в конечном счете приведет и к отрицанию самого себя. И чем больше человек сам себя отрицает, тем менее он способен достичь полноты существования.

Итак, метафора, построенная на противопоставлении бытия феноменов и феномена бытия, переходит у Ж.-П. Сартра в тавтологию тождества сознание = сознание, в которой изначальная пустота сознания ничтожит все, что связано с миром: и всякую причинность, и мир вещей, и мир отношений (другие Я). Тавтология указанного тождества может быть осмыслена как пустота щели, трещины (как у С. Кржижановского), разросшаяся до пустоты пустыни, охватившей все вокруг. Сознющая себя пустота, как бы согласно щелиной этике героя С. Кржижановского, выбирает не между «хорошим или лучшим», не между «хорошим или плохим», выбирает не качественно, а лишь количественно: была в том мире, а стала в другом мире, и обратной дороги нет.

Если сознание существует только ради свободы выбора, то этот выбор – не между собой худшим и собой лучшим, а выбор между собой старым и собой новым. Однако если «прошлое не определяет настоящее», если «прошлое мертво», то у сознания не оказывается «точки отсчета»: если прошлое не существенно, то каким образом можно постичь важность, новизну и существенность настоящего? Как в такой «системе координат» трус может нести ответственность за свою трусость? Ведь для труса его поступок в прошлом, т.е. забыт, а в настоящем трус не является трусом, т.к. он теперь уже считает себя храбрецом. Другими словами, свобода выбора не снимает ситуацию и не меняет ситуацию, поскольку сознание, проходящее через нее, не меняется благодаря своей способности «все отрицать» [7, с. 20].

3. От разрушения тождества к понятию кризиса

Поскольку после смерти Бога человек остается с собой один на один [10, с. 12], драма желания для человека становится неизбежной. Желание (по Ж. Лакану), подобно интенциональности (Э. Гуссерль [1]), превращается из явления в функцию, однако носит скрытый (латентный) характер, приходя к человеку в ситуации конфликта, вытеснения, вины и отрицания. Ж. Лакан пишет: «Там, где нет вытеснения, конфликта, вины и отрицания, нет и желания» [9, с. 182].

Желание проявляется неожиданно, во внезапном беспокойстве, скандале и соблазне. Если же субъект всем доволен и ничего не желает, в нем нет больше импульса к жизни, то он становится нежизнеспособен. С другой стороны, желание нуждается в препятствии: если всякое желание исполняется сразу же, вкус к нему пропадает. Другими словами, желанию необходим закон, ограничивающий и одновременно провоцирующий его. Без законодательного запрета желание недействительно.

В отличие от потребности, жажда удовлетворения которой в принципе насыщаема, желание, обладая внезапным, скандальным и постоянно смещающимся характером, довольствуется иллюзорным удовлетворением и становится, таким образом, источником фантазма (любимое понятие С. Кржижановского. Потому в новелле «Собиратель щелей» повествователь и говорит: «Фантазм отмщен», – это значит: пустота, за которую взялась жизнь (ученый с его опытами), должна оставаться пустотой, фантазм не должен быть «исследован», описан формулами и вычислен, он должен оставаться неопределенной и неопределяемой пустотой, основой личного опыта).

Неслучайно воображаемое (иллюзорные представления человека о самом себе как самозащита), реальное (биологически порождаемое и психически сублимируемое нерационализируемое) и символическое (не совпадающее с языком «плавающее» или «скользящее» означаемое, ускользающее от стабильного, устойчивого трансцендентного знака) «работают» в смысловом поле неудачи (точнее, повторения неудачи). Бессознательное вынуждает субъекта повторять неудачу: все вещи скручены друг с другом так, что человек не может ничего о себе узнать. Это и есть ситуация «взрыва» со стороны реального, когда воображаемое и символическое обнаруживают свою недостаточность, в первую очередь, в объяснении несоответствия идеала (тела или поступков) и реальности.

По мысли Ж. Лакана, структура субъекта разорвана, и эта нецелостность провоцирует влечение как форму выражения желания. Другими словами, субъект становится бесконечной катастрофой самого себя, и всякая попытка перевести эту катастрофу на язык рациональности является принципиально неокончательной. Поскольку субъект являет собой неоднородность, отношения его и реальности раскоординированы и не могут создавать возможности для адаптации.

Поэтому, согласно Ж. Лакану, всякое официальное знание, заявляя о себе как о благе и адаптации, на самом деле предлагает только маскировку, имитацию, но ничего не в состоянии сказать об истинных причинах разорванности структуры субъекта [8, с. 38]. Мнимая открытость знания на самом деле – закрытость, т.к. неспособна объяснить человеку, что с ним происходит. Кроме очевидной причины явлений и событий, по Лакану, всегда есть вмешательство со стороны желания, или, как сказал бы З. Фрейд, со стороны «влечения к смерти» (Танатоса) [13, с. 265].

Если мы хотим выйти из противоположности «Господин – раб», то мы должны понять, что почти все знание, которым мы располагаем, бесполезно, но служит воздействию через воспитание. Непосредственно понятое знание об окружающем мире не может заменить знание о субъекте, вовсе не безобидное и отнюдь не адаптационное. Это знание о подвижной и разорванной структуре субъекта не может быть знанием для всех, поскольку основано на личном опыте, пережито индивидуально и не может быть растиражировано.

Следовательно, реальное всегда больше воображаемого и не может быть окончательно «схвачено» символическим: и то, и другое – лишь сети для уловления реального, но оно всегда вырывается из них, поскольку всегда содержит в себе нерационализируемый остаток. Возможно, в этом остатке – переживания ужаса Ничто, катастрофы, происходящей внутри субъекта, катастрофы, которая может длиться долго, может быть, бесконечно, т.к. не «ухватывается» сознанием и пониманием.

4. Выводы

Итак, понятие «экзистенциальный кризис» может быть уточнено в преодолении тавтологии тождеств «бытие/Ничто», «свобода/ответственность», «шов, целостность/щель», «Я/Не-Я»:

1) у С. Кржижановского показаны три возможные линии развития метафоры сущностного кризиса: а) «поглощение» трещиной пустоты, забвение любви и отречение от жизни ради науки; б) позиция наблюдателя: пустота должна быть в ничто (сжигает дневник ученого с результатами опытов с ничто), т.к. мир, всякий раз на миг рушась в пустоту, восстанавливается творческой волей; в) метафора «роста мыслей», от которого «растут» и швы черепной коробки, – остается неразработанной;

2) у Ж.-П. Сартра находим превращение метафоры «феномен бытия» в тавтологию тождества «сознание = сознание», свобода выбора которого устанавливает только количественные, а не качественные (не внутренние) изменения внутри субъекта;

3) у Ж. Лакана тождество «реальное/воображаемое» разрушается: а) законодательными запретами, ограничивающими желание и одновременно провоцирующими его; б) влечением как формой проявления желания, всегда неявно, нерационализируемого присутствующего в качестве одной из причин событий наряду с очевидными причинами происходящего. Ж. Лакан эксплицитно дает определение экзистенциального кризиса как внутреннего конфликта, отрицания, вины и вытеснения, подобно катастрофе, мучающих человека изнутри и побуждающих его желать – желать жить;

4) полагаю, определение экзистенциального кризиса не может быть основано на преодолении тождества «свобода/ответственность»: все предыдущее исследование показало его недостаточность в описании феномена экзистенциального кризиса. Человек, переживающий экзистенциальный кризис, не может быть свободен от прошлого, как и от ответственности [14, с. 162]. Думаю, для этого тождества возможно развитие (первоначально, вероятно, через метафору) в сторону понятий «только ответственность» (без противопоставления понятию «свобода»), вопрошание и диалог.

Список литературы

1. Бушмакина О. Н. Онтология постсовременного мышления. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1998. 165 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. 590 с.
3. Гайденок П. П. Проблема интенциональности у Э. Гуссерля и экзистенциалистская категория трансцендентности // Современный экзистенциализм. М.: Мысль, 1966. С. 102-128.
4. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический проект, 2012. 210 с.
5. Кржижановский С. Собираетелль щелей // Кржижановский С. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Симпозиум, 2001. Т. 1. Чужая тема. С. 659-672.
6. Кржижановский С. Спиноза и паук // Кржижановский С. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Симпозиум, 2001. Т. 1. Чужая тема. С. 161-164.
7. Кушова И. А. Сознание, определяющее свободу, в экзистенциализме Ж.-П. Сартра // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2010. Вып. 47. Т. 3. С. 14-20.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М.: Республика, 1997. 288 с.
9. Лакан Ж. Семинары: в 24-х кн. М.: Академия, 2004. Кн. XI. Четыре основных понятия психоанализа (1964). 374 с.
10. Лебедько В., Хайтин Л., Миронова Е. Психоанализ Ж. Лакана и Магический театр // Архетипические исследования. М.: Изд-во МУФО, 2010. № 6. С. 12-23.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 638 с.
12. Серебрякова Ю. В. Мыслить иначе: методика исследования современной философии в вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. 2. С. 151-154.
13. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2010. 608 с.
14. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. 389 с.

HUMAN'S EXISTENTIAL CRISIS: FROM METAPHOR TO CONCEPT (PHILOSOPHICAL SPECULATIONS BY S. KRZHIZHANOVSKY, JEAN-PAUL SARTRE AND J. LACAN)

Serebryakova Yuliya Vadimovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Julia_serebro@mail.ru

The article aims to define the concept “existential crisis” avoiding tautology of identity, severe confrontation and integration of opposites. The author analyzes evolution from S. Krzhizhanovsky’s metaphors to tautology of identity in Jean-Paul Sartre’s philosophy and, further, to destroying identity and “grasping” the definition in J. Lacan’s philosophy. According to the author, to clarify the definition “existential crisis” it would be appropriate to use identities involving opposition of the conceptions “existence/nothing”, “real/imaginary”, “integrated whole / crack”.

Key words and phrases: existentialism; philosophical category; identity; opposition; existential crisis; existence; freedom; real; imaginary; catastrophe; integrity.